

...И всё-таки Роман Файзуллин ушёл неожиданно. Хотя нельзя сказать, что совсем внезапно: братская, даже кровная, связь с алкоголем, наркотики, депрессии... Он боролся — с миром, в котором разлагались идеалы, и внутренними демонами, привнесёнными извне. Он хотел жить. Но... в предсмертной записке намекнул про бессмертие и — взлетел на нехитрую высоту, ограниченную потолком комнаты.

...Мы познакомились с Ромой несколько лет назад — в соцсетях; как часто бывает — на фоне общей среды. И общались поначалу о стихах и публикациях, общих друзьях и девчонках, мужестве и мужественности...

Когда его фразы инфицировала беспросветная бездна, забравшая в итоге? И кто перерезал проводку, ведущую к внутреннему свету Ромы? Трудно сказать. Одно точно: он был силен в своей слабости; она и была его силой, и потому, когда тьма выдирала из жизни молекулы чистой и наивной сущности Ромы, — он шёл к ней навстречу, раскрыв объятия. Зачастую отвергал помощь друзей — принимать было бы демонстрацией слабости, а мог ли он позволить себе такую роскошь? На попытки увещевания отвечал, что не видел выхода: «Работы не найти нормальной. За человеческую зарплату, а не за еду в нашей дыре». Впрочем, это была лишь одна из причин.

Рома конфликтовал с жизнью: такая, какая есть, его не устраивала, а как спастись, он, может, и знал, но всякий раз натыкался на равнодушную действительность. К этому

примыкала творческая неостребованность, особенно в последние годы. На каждую публикацию приходились десятки отказов — в журналы «первого ряда» он, по сути, так и не попал. Отчасти это объяснимо — на текстах Ромы отражался образ жизни. И то, что попадало в длинные списки премий «Дебют», «ЛитературРентген» и финал «Нонконформизма» — соседствовало с выброшенными в пространство и не нашедшими верного места на бумаге строками.

Бессмертие, о котором говорил Рома, — отчаянно-горького свойства. Подозреваю, что сейчас редакторы, отказывающие *Роме живому* в публикациях, отправлявшие письма в спам или по-воровски скрывавшие тексты, бросятся публиковать *Рому умершего*. Чего тут больше — горечи или чувства вины?

...Последние разы он начинал общение словами «чё как сам?»; писал, что «трагедия вообще смешна» и был несносен, как, наверное, каждый, кто находится на краю и пытается зацепиться за соломинку — пусть даже из слов. Вот только как было разглядеть эту борьбу, желание жить, смешанное с демонстративным стремлением к смерти? Он вырезал из себя то чисто-наивное, трогательное и детское, что угадывалось между его фразами. Даже — рыцарское, а он готов был защищать честь любой дамы, как и полагается мужчине. В нём не угасали непосредственность и верность идеалу; его любовь граничила с отречением, цинизм — с саморазрушением, а юмор — отдавал обречённостью. А ещё он носил в кармане заточку, чтобы при случае отбиться от шпаны, когда ночью выбирался за «добавкой». Он бахвалился желанием умереть, но любил жизнь. Что в этот раз пошло не так?

Он писал про отца-алкоголика и людей-ангелов; запросто записывал в гении — в его идеальном мире каждый гениален, а чёрно-грязная жизнь лишь оттеняла

их полёт. Писал об увлечениях девушками (всерьёз или для бравады?); потом, что-де вскоре женится на N, и тут же — обречённо — добавлял: красавица и чудовище не могут быть вместе. Почему всё это так горько теперь перечитывать?

Рома строчил сообщения сотням адресатов, был влюбчив и раним, а ту, что навещала в последние месяцы, называл «бывшей», ведь телесность не могла заменить истаявших чувств. Развеивались мороки («У меня была иллюзия, в которую я поверил слишком сильно... Я нарисовал её сложнее, чем она есть») и возникали вновь.

Он любил образы, жил ими, в какой-то мере, сам был образом и — тут и впрямь — был сложнее, чем казался.

За последний месяц Рома потерял почти пятнадцать килограммов, называл окружающих плодами своего творчества, а 30-летие — 26 февраля — встретил словами: «В этот день я попал в ад. 30 лет безумия, рвоты, скотства, нечеловеческого омерзения и безысходности. 30 лет непонятно чего. И не понятно Зачем. Одно радуется, что основная часть пройдена. И скоро все это глупое бл***тво закончится».

Так получилось, что внутренний дом Ромы — вот она, фатальная ошибка или насмешка жизни, — оказался внешним и ранимо-незащищённым. И не умер, он, конечно, — погиб, не отыскав в означенный час ответа на главный вопрос: «Зачем?».

Последним сообщением от него, в четверг, 7 апреля (Ромы не стало в ночь с 9 на 10 апреля), были слова: «Я завтра в наркушку». Нет, он не сдавался — хотел бороться и жить. И потому таким нелепым, жутким и странным кажется его уход.